

1. Janion Maria. *Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury* / Maria Janion. – Kraków : Wyd-wo Literackie, 2006. – 357 s.
2. *Rokosolański Parnas : Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Cz. II : Antologia / wybr. i oprac. R. Radyszewskij.* – Kraków : Wyd-wo Nauk. DWN ; Wyd-wo Oddz. PAN, 1998. – S. 345–358.

Бай Е. Концепт мира в поэзии Даниила Братковського. В статье охарактеризована многоплановость концепта мира в польскоязычной поэзии Даниила Братковського, определена его основная роль в структурном и содержательном наполнении сборника «Świat po części przezyrzany». Проанализированы имманентные и трансцендентные мотивы символа мира, акцентируется на его авторской конкретизации за счет локальных образов и аллюзий. На примере концепта мира классифицированы основные элементы концепта и определены пути его модификации в барочной поэзии украинско-польского пограничья.

Ключевые слова: концепт, барокко, локальные мотивы, авторская концепция.

Bai O. The Concept of the World in Danylo Bratkovskii's Poetry. The article describes the concept of the world in Polish poetry of Danylo Bratkovskii and its main role in the structural and semantic fullness of collection «Świat po części przezyrzany» is defined. Immanent and transcendent motives of the world symbol are analyzed, its author's specification by local images and allusions is given. On an example of the world concept, the basic elements of the concept were classified and indicated on the ways its modifications in baroque poetry of Ukrainian-Polish borderland.

Key words: concept, Baroque, local motives, concept of author.

Стаття надійшла до редколегії
10.02.2013 р.

УДК 821.161.1-32.09

Тамара Белова

Природа и люди Украины в представлениях и художественном мире Максима Горького 1890–1910-х годов

В статье на материале рассказов «Вывод», «Покойник» и очерка «М. М. Коцюбинский» рассматривается одна из характерных особенностей мировосприятия и творческой индивидуальности Максима Горького – гуманиста, человека мира, исповедующего идеи целостности славянства, единой планетарной культуры, самоценность и красоту человеческой жизни как уникального явления в мире природы.

Ключевые слова: Максим Горький, М. Коцюбинский, украинский пейзаж, люди, красота и безобразия, философия жизни, обычаи, культура.

Постановка научной проблемы и её значение. Тема «Максим Горький и Украина» многогранна как в сугубо личном, так и в творческом, общественном, культурно-историческом аспектах, имеет свою историю и, к сожалению, не очень богатый опыт осмысления [1].

Цель статьи: проследив во взаимосвязи рассказы «Вывод» (1895), «Покойник» (1912), очерк «М. М. Коцюбинский» как художественное воплощение личных впечатлений периода своих хождений по Руси и близкого знакомства с великим украинским писателем, выявить истоки явного роста писательского внимания к культуре и людям Украины в период 1910-х годов.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Как известно, знакомство Максима Горького в молодые годы с Украиной и её людьми не лишёно был душевной печали и острой физической боли. Страдающий в поисках не только смысла жизни, но и работы, чтобы утолить голод молодого растущего организма будущий писатель на себе испытал неприязненное отношение коренного украинца к москалю. Столкнулся он здесь с явлением крайней жестокости обитателей украинского села, о чём несколько лет спустя поведал в рассказе «Вывод» на страницах «Самарской газеты». Эпизод своего странствия в 1891 году по дорогам Херсонской губернии и столкновения с обезумевшими от ярости мужиками села Кандыбино, едва не стоившего ему жизни, у юноши Пешкова закрепился так прочно в памяти, что не рассказать об этом теновом

явлении бедственной российской повседневности писатель не мог, работая фельетонистом в «Самарской газете». Вспоминал он об этом случае и много лет спустя [2, т. II, с. 595].

Общение Горького с украинским народом и его культурой имела продолжение в конце 1890-х годов, когда он вместе с молодой женой по приглашению А. А. Орловской, урождённой княжны Шинской-Шихматовой, лето 1897 года провёл в с. Мануйловке Кременчугского уезда Харьковской губернии [4, т. 1, с. 225–242]. Здесь, в имении Орловской, по инициативе и при активном участии Горького был организован любительский народный театр, где силами жителей Мануйловки ставились пьесы Карпенко-Карого, А. Н. Островского, А. А. Потехина и др. Кстати, здесь, среди интеллигенции, порой возникали споры о преимуществе великорусских или малороссийских продуктов. В письме к Е. П. Пешковой, выехавшей с новорождённым сыном в с. Каменное Тверской губернии к друзьям, он сообщал: «За обедом мы с Ор(лицкой) спорили, какая свёкла лучше – великоили малорусская? Я стоял за великорусскую ..., а Ор. рассердилась и заявила, что без жены я стал невыносим. Но после обеда она угостила меня полтавскими конфетами по 8 к. за фунт, которые лучше всех великорусских конфет» [4, т. 1, с. 235]. Конечно, в этих словах отчётливо слышна лёгкая ирония, но в этой шутке, имевшей продолжение, обнажился характер проявления национальной гордости малороссиянки, не всегда безобидный в реальности. Тем не менее, показательно, что из-за безденежья покинул Горький приютившее его украинское имение только в конце октября 1897 года.

Опыт первого драматического общения будущего писателя с крестьянами украинского села Кандыбино вызвал бурю эмоций, чувство гнева. В приступе ярости и сострадания к жертве проходящий, как следует из рассказа Н. Н. Асеева, гостившего у Горького в Сорренто в 1927 году, в реальности обратился к местному «попу, чтобы тот уговорил озверелых людей». Но поп, безучастный к происходящему в его приходе, ответил «текстом из Священного Писания о повиновении жены мужу». Не выдержав елейно-лицемерного нравоучения, свидетель жестокого истязания «смазал попа по постной роже, с размаху». За это был жестоко избит сбежавшими на крик попа мужиками. Этот факт Горький тактично не включил в текст рассказа «Вывод», отметив его отточиями. Но впоследствии, вспоминая об этом эпизоде из украинской повседневности, на вопрос: «любим ли был поп на селе... Горький ответил, что поп был ненавистен всем, а помяли его за то, что чужой осмелился ихнего попа бить» [2, т. II, с. 595].

Характерно, что история знакомства с обитателями Кандыбино имела продолжение. Незадолго до кончины писателя, в марте 1935 года, на страницах «Крестьянской газеты» были опубликованы материалы о жизни нового Кандыбина. Крестьянки села обратились в письме со словами благодарности к Горькому, защитнику женщины-рабыни. О завязавшейся дружбе писателя с колхозницами этого села много сказано в примечаниях ко второму тому его полного собрания сочинений [2, т. II, с. 596–598].

Возвращаясь неоднократно к этому невыдуманному рассказу, автор акцентирует не только сцену расправы «высокого», «рыжего мужика» над маленькой, совершенно нагой женщиной, почти девочкой. Не менее шокирует его поведение толпы, то, что наряду с кричащими слова одобрения мужчинами, идут «женщины с возбуждёнными лицами и сверкающими удовольствием глазами» [2, т. II, с. 58]. В ранних публикациях «Вывода» в Самарской газете, в сборниках «Знания», томах издания «Книга» не было заключительного абзаца. В нём автор с болью говорит о том, что он «знал», «слышал», как наказывают женщин-изменниц в Заволжье, в других местах. Но одно дело – слышать, знать и совершенно другое – «видеть», быть свидетелем мерзости. «И вот – видел, что всё это возможно в среде людей безграмотных, бессовестных, одичавших от волчьей жизни в зависти и жадности» [2, т. II, с. 60]. В этих словах Горький как будто пытается сгладить остроту обвинения людей, участников страшной, бесчеловечной картины истязания себе подобного, переложив его тяжесть вины на обстоятельства «волчьей жизни в зависти и жадности», бескультурия.

О силе потрясения, о невозможности спокойного восприятия этого ужаса в реальной действительности свидетельствуют изъятые в окончательном варианте рассуждения писателя о том, что увиденное «не аллегорическое изображение гонения и истязания пророка, не принятого в своём отечестве – нет, к сожалению!» В другом варианте рассказа, изданного в сборниках «Знания» и в издательстве «Книга» дано следующее авторское пояснение: «не аллегорическое изображение гонения и истязания правды – нет, к сожалению, это не аллегория» [3, т. 1, с. 155]. Ранний Горький неоднократно прибегал к аллегориям, излюбленным в средневековой поэтике, в поэтике романтизма, отвергающего несовершенство реальной действительности. Подчёркнуто дистанцируясь от притче-

вого повествования, автор «Вывода» стремился усилить экспрессию обличения теневого явления отечественной повседневности, придав рассказу очерковый характер.

Живя на Капри (1906–1913 гг.), Горький вновь обратился к впечатлениям своих хождений по Руси. В рассказе «Покойник» (1912) он запечатлел другую поэтически окрашенную картину. Очарование от бескрайних украинских степей, тучных колосющихся нив, бездонной чаши неба родило необычайное ощущение тёплой земли, которая «живёт внутри неба в объятии солнца, в сонме звёзд, ослеплённых его красотой», а также чувство причастности к прекрасному миру, готовности «бесстрашно ходить по всем дорогам, видеть всякое горе, всю радость жизни и вместе с людьми пить мёд и яд» [2, т. XIV, с. 357].

Несмотря на то, что при этом повествователь не забывает о голоде и готов выполнить любую работу ради куска хлеба, он не утратил доверия к людям, способности внимать их горю, впитывать и запоминать всё, до мельчайших подробностей: обстановку в бедной украинской хатке, где одиноко лежит покойник, увидеть в дверях беспомощно сидящих двух старух, у их ног большую, как овца, собаку. Выразительной преамбулой к встрече с ними было появление на окраине хутора крепкого, давно нечесаного, небритого человека «в широких синих штанах, в раскрытой холщовой рубаше, серой от грязи» [2, т. XIV, с. 358]. Похожий «на кусок земли», он воплощает истинно народный, национальный тип неторопливого в движениях, рассудительного малоросса, равнодушного к горю соседей и уважительного к молодому пришельцу. Вступив в разговор с незнакомцем, он неизменно обращается к нему на «вы»: «Где идёте?», «Мабудь, вы – письменный».

Как истинный психолог и наблюдательный портретист, рассказчик за внешней безалаберностью и простотой мужика замечает: «Маленькие глаза смотрят зорко, недоверчиво и, видимо, считают количество дыр и заплат на моей одежде» [2, т. XIV, с. 359]. В сдержанной манере, зная себе цену, ведёт абориген беседу о табаке, оживляется, узнав, что проходящий курит не московский, а роменский Рымаренки «добрый табак». Привлекает в Юфиме его забота об умершем соседе, желание организовать чтение книги «по покойнику». За внешне грубоватой натурой мужика скрывается тонкая, отзывчивая душа.

Со свойственной Горькому теплотой описаны фигуры старух. Разные по виду: «одна – круглая, встрёпанная, как разбитый ударами кожаный мяч, другая – костлявая, переломленная в спине, с тёмным сердитым лицом», они объединены горем, держатся вместе на протяжении рассказа. Но одна бунтует против законов жизни, позволяющих одним не работать, другим – работать «больше сил своих», другая тихо верит в то, что «Матерь божия ... всех наградит». Она же предлагает нежданному гостю ужин, сочувствует страдающему от горя дьячку.

Образ Демида, так звали дьячка, пришедшего отпеть покойного друга, создан в характерном для поэтики Серебряного века антиномическом ключе. С одной стороны, он нелеп в пьяном угаре и неловкости от сознания ошибки: не ту книгу взял, отправляясь на требу. С другой, рассказчика покоряет колоритная фигура богатыря, запоминается он в ореоле огненных волос, подобных «сиянию вокруг головы». Вместе с рассказчиком нас восхищает мощь человека, у которого грудь широкая, «точно у битюга», «руки у него длинные и в кистях – как лопаты». В воображении автора дьячок предстаёт ласковым мужем и чадолюбивым отцом: «Сколько у него может быть детей?» Но вместо этого в комнате, где лежит покойник, заняв немалую часть её, на полу спит пьяный, глубоко несчастный человек. История его горя, рассказанная доброй старушкой, как будто возвращает нас к сюжету «Вывода», только в противоположном, существенно трансформированном смысловом решении.

В основе разыгравшейся трагедии в жизни дьячка – грех жены, которую муж простил, но односельчане «засмеяли её да и Демида <...> Она, с того смеха над нею удавилась в чулане, а он вот непробудно запил... Уже второй год это, и скоро его сгонят с места» [2, т. XIV, с. 370–371]. Так автор, в целом позитивно настроенный, переживающий метафизическое чувство восторга перед величием природы, сознание вечности мира и неизбежной смертности человека, напоминает читателю о разрушительной силе людского зла, бездумной мстительности земляков покойного Василия, вынужденного сняться с насиженного места «в дедовщине на Донце». Смерть надорвавшегося в работе покойника, отчасти на совести тех, кто «заторкал, загрыз» его «аж до слёз и немоты». Характерно, что образ и поза лежащего на смертном одре «всех питателя», его неплотно прикрытые глаза, буграми лежащие на груди «тёмные кисти рук», ещё раз возникнет перед читателем горьковского романа «Дело Артамоновых» в сцене смерти основателя дела Ильи.

Смысл происшедшей в начале 1910-х годов трансформации в общественном сознании писателя, его пристального интереса к национальному вопросу объясняется рядом причин. Не принимая политику централизма, идею великой России в многонациональном, расположенном на огромной территории государстве, высказанную П. Струве, П. Столыпиным, Горький настаивал на внедрение в сознание сограждан идеи федерализма и интернационализма. Об этом он неоднократно высказывался в статьях из цикла «Издаleка», в письмах к редакторам журналов «Современник» и «Заветы», которые, по его глубокому убеждению, должны были объединить всю прогрессивно мыслящую творческую интеллигенцию страны. В письме к В. Львову-Рогачевскому (декабрь 1911 года) он напомнил: «Уже давно пора противопоставить пред русской публикой два понятия: национализм и демократизм, давно пора понять, что в России проповедь национализма – не шутка и может страшно, надолго спутать головы» [4, т. 9, с. 219–220]. Его серьёзно беспокоила мысль, что «наш неустойчивый социализм превосходно и надолго может захлебнуться национализмом» [4, т. 10, с. 244].

Поэтому считал он насущной потребностью времени приглашать в журналы писателей украинских, белорусских, грузинских и других национальностей. Именно к М. Коцюбинскому обратился Горький в письме от 24 сентября (7 октября) 1912 года с просьбой дать для «январской или февральской книжки «Современника», <...> статью на тему «Культурные запросы Украины». Здесь же он сказал о необходимости опубликовать в журнале «очерк по истории украинской литературы», просил помочь «Современнику», «указать», «что бы перевести с украинского» [4, т. 10, с. 129]. Коцюбинский «горячо поддержал мысль Горького» и обещал дать к указанному сроку обе статьи. Но выполнить своё обещание писатель не успел... В журнале (№ 12 за 1912 год) был опубликован лишь его рассказ «Лошади не виноваты» [4, т. 10, с. 495].

В эту пору Горький переживал особенно нежные чувства к М. М. Коцюбинскому, связывал с ним большие надежды по интеграции украинской литературы в отечественную художественную культуру. Привлёк его в журнал «Заветы». «По инициативе Горького издательство «Знание» выпустило в 1910–1911 годах два тома произведений М. Коцюбинского в переводе на русский язык» [2, т. XI, с. 556]. Думается, не без влияния Коцюбинского много позднее Горький признавался, что «питал «влечение, род недуга» к литературе Украины» [2, т. XI, с. 554].

Знакомство, состоявшееся по рекомендации В. Г. Короленко в 1909 году на Капри, переросло в дружбу и продолжалось до последних дней певца украинской земли, красоты её природы. С Коцюбинским Горький делился сокровенными мыслями в дни тревожных слухов о бегстве Л. Толстого из Ясной Поляны и суеты вокруг его имени. «Возмущают меня, – писал он 8 (21) ноября 1910 г., – начавшиеся попытки сделать из него «легенду», чтоб положить её в основание «религии» – религии фатализма, столь пагубного для нас, людей и без того пассивных» [4, т. 8, с. 181].

Здесь же он рекомендует украинскому другу книжку молодого Алексея Толстого, произведения Сургучева и Шмелёва – «хорошего жанриста», делится впечатлением от книги В. Г. Короленко «История моего современника»: «...нравится она мне всё больше и серьёзным своим тоном и этой солидной какой-то скромностью, мало знакомой современной нашей литературе. Ничего кричащего, а – всё касается сердца. <...> И на каждой странице чувствуешь умную, человечью улыбку, много думавшей, много пережившей большой души» [4, т. 8, с. 181].

Как тяжёлый удар, «как тяжелую личную утрату» пережил Горький весть о кончине друга 12 (25) апреля 1913 года, откликнувшись телеграммой: «Большого человека потеряла Украина, – долго и хорошо будет она помнить его добрую работу» [2, т. XI, с. 556]. В дни столетия со дня кончины прекрасного человека и большого писателя земли украинской не лишне напомнить проникновенные слова его русского друга, написавшего в конце мая 1913 года широко известный очерк «М. М. Коцюбинский».

Для автора очерка, Коцюбинский – «свой», родной человек «в мире идей красоты и добра», «он как-то особенно близок к хорошему», «он любит добро любовью художника, верит в его победную силу». Романтик, он верил в то, что «романтизм наиболее человеческое настроение», что «его культурный смысл недостаточно понят», не осмыслено его свидетельство того, «как велика жажда добра в людях» [2, т. XI, с. 179]. И не его вина, что градус «жажды добра в людях» сегодня понизился, что девальвировалось высокое понятие «демократия».

Особенно дорога Горькому в его друге нежная любовь к Украине, то, что он жил её скорбями, «её муками мучился». Любя Капри, он мыслями был на «своей Черниговщине», любил «тихонько говорить о судьбах родины, о будущем её, о её людях, любимых им крепко, о литературе, о благотворной работе загубленной ныне «Просвіти». Отбирая самое характерное в портрете друга, автор

очерка приводит его слова о природе Карпат и его обитателях: «Если бы вы знали, как величественна здесь природа, какая первобытная жизнь! Гуцулы – оригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своей образной психикой. Глубокий язычник, гуцул всю свою жизнь, до смерти проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов! Собираю материал, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь» [2, т. XI, с. 181]. Сколько наблюдательности поэта красоты и мастера этнографического жанра в этой характеристике!

Импонирует Горькому неподдельная скромность Коцюбинского, его требовательность к своим стихам, непримиримое отношение к поэтизации одиночества («Одинок, значит – не нужен никому»). Глубоко понятна ему трагедия художника, сознающего, что не хватает слов, нет сил, чтобы выразить всё, что видано, что пережито, что «в душе волнуется целый мир образов, мыслей, каких-то до слёз простых и ласковых песен!», что выразить всё это не даёт болезнь, оборвавшая жизнь мастера слова на излёте. Думается, памятником М. Коцюбинскому, честному человеку, «прекрасному цветку», «ласковой звезде», рано погасшей на российском небосклоне, может служить не только этот проникновенный очерк, но и рассказ «Покойник», где трансформированно воплощены слова каприйского собеседника, сказавшего в момент наблюдения над скалами и роскошной природой прекрасного острова: «Какая сила жизни! Мы привыкли к этому и не замечаем победы живого над мёртвым, действенного над инертным, и мы как бы не знаем, что солнце творит цветы и плоды из мёртвого камня, не видим, как всюду торжествует живое, чтоб бодрить и радовать нас. Мы должны бы улыбаться этому миру дружески...» [2, т. XI, с. 184].

Выводы. Исток ехаристии повествователя, оставшегося наедине с покойным, его мысли «о человеке, который не одну тысячу раз прошёл по своей полосе на этой земле в заботе о том, чтобы мёртвое претворилось в живое», а также его признание: «Уважительно и ласково думается обо всех людях земли: все призваны таинственной силой, в них живущей, победить смерть, вечно и необоримо претворяя мёртвое в живое...» [2, т. XIV, с. 369], – навеяны Горькому общением с М. М. Коцюбинским, его словами, его философией жизни... Таков один из интересных и поучительных примеров взаимообщения и взаимовлияния, взаимообогащения двух глубоко мыслящих художников, крупных представителей русской и украинской литературы на заре XX века, которые должны служить образцами для писателей XXI века.

Источники и литература

1. Новиченко Л. Н. М. Горький и украинская советская литература / Л. Н. Новиченко // Изв. АН СССР. Отд. Язык и литература. – М. : АН СССР, 1954. – Т. XIII. – Вып. 3. – С. 201–216.
2. Горький Максим. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. / Максим Горький. – М. : Наука, 1968–1976 ; т. II. – 1969. – 656 с. ; т. XI. – 1971. – 616 с. ; т. XIV. – 1972. – 632 с.
3. Горький Максим. Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям : в 10 т. Т. 1 / Максим Горький. – М. : Наука, 1974. – 644 с.
4. Горький Максим. Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. / Максим Горький. – М. : Наука. – Т. 1–14. – 1997–2010 ; т. 8. – 2001. – 607 с. ; т. 9. – 2002. – 704 с. ; т. 10. – 2003. – 783 с.

Белова Т. Природа й люди України в уявленнях та художньому світі Максима Горького 1890–1910-х років. У статті на матеріалі оповідань «Висновок», «Покойник» та нарису «М. М. Коцюбинський» розглянуто одну з характерних особливостей світосприйняття і творчої індивідуальності Максима Горького-гуманіста, людини, що сповідує ідеї цілісності слов'янства, єдиної планетарної культури, самоцінність і красу людського життя як унікального явища у світі природи.

Ключові слова: Максим Горький, Михайло Коцюбинський, український пейзаж, люди, краса і потворність, філософія життя, звичаї, культура.

Byelova T. Nature and People of Ukraine in Notions and Artistic World of Maksim Gorky in 1890–1910-th. In this article on the material of the novels «Deduction», «The deceased» and essay «M. M. Kotsubynsky» we considered one of characteristic peculiarities of Maksim Gorky's world-view and creative individual. This writer proclaimed ideas of entirety of Slavs, of united planetary culture, of value and beauty of human life as unique phenomenon in the world of nature.

Key words: Maksim Gorky, Myhajlo Kotsyubynsky, Ukraine scenery, people, beauty and ugliness, philosophy of life, customs, culture.

Статья поступила в редколлегию
10.02.2013 г.